

Е.В. Логинов

СКЕПТИЦИЗМ И МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ*

Логинов Евгений Владимирович – кандидат философских наук, научный сотрудник философского факультета. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: loginov.ev@philos.msu.ru

Скептицизм в отношении моральной ответственности – один из самых разработанных подходов к этому важному моральному феномену в современной философской литературе. В этой статье я использую скептический подход в целом и конкретные скептические аргументы в частности, чтобы прояснить связи между условиями уместного возложения моральной ответственности и структурными элементами этого отношения. Различаются моральный догматизм и критический подход к морали, дается классификация возможных результатов применения последнего: собственно скептицизм, иллюзионизм и то, что можно назвать революционным подходом. Определяется, чем общий моральный скептицизм отличается от скептицизма в отношении моральной ответственности и предлагается классификация видов скептицизма в отношении моральной ответственности на основании того, между какими элементами структуры возложения ответственности ставится под сомнение связь. Анализируются базовый аргумент Галена Стросона, аргумент от регресса Гидеона Розена и его же алетическая концепция моральной ответственности. Показывается, что аргумент Стросона необоснованно сводит моральную ответственность к т.н. истинной моральной ответственности. Утверждается, что эпистемическое условие возложения ответственности, на которое направлен аргумент от регресса, можно свести к нормативному условию, и тем самым избежать регресса. Проблематизируется связь между ответственностью и возмездием, которую постулирует Розен. Демонстрируется, что условие контроля связывает морального агента и присущий этому агенту моральный фактор, нормативное условие связывает присущий агенту моральной фактор и его моральное значение. Выдвигается тезис о том, что связь между фактором и значением не может быть объектом скептицизма в отношении моральной ответственности.

Ключевые слова: моральная ответственность, скептицизм, осуждение

Для цитирования: Логинов Е.В. Скептицизм и моральная ответственность // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 1. С. 160–176.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 21-78-10044 «Феномен моральной ответственности», <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>.

Введение

При обсуждении моральной ответственности некоторые философы концентрируются на ее структурных элементах (например, агентности¹ или оценках²), а другие работают с условиями ее возложения. В этой статье я предложу анализ связей между элементами ответственности и ее условиями. Способом анализа будет скептический подход к обсуждаемому феномену. Скептицизм в отношении моральной ответственности (далее СМО) – это позиция, согласно которой стоит серьезно относиться к возможности того, что люди никогда не несут моральной ответственности³. Я начну с общего критического подхода к ответственности, затем опишу некоторые возможные результаты его применения, отделию СМО от общего морального скептицизма (далее ОМС), предложу классификацию видов СМО и покажу, как стоит уточнить понятие ответственности, чтобы сделать СМО менее убедительным. Но я не ставлю своей целью *опровергнуть* ни СМО, ни ОМС.

Три результата критического подхода

Приступая к обсуждению любой философской проблемы, полезно отталкиваться от некоторых фактов. В отношении обсуждения ответственности мы можем отталкиваться от двух фактов. Во-первых, мы регулярно возлагаем ответственность друг на друга и на самих себя, и это важная часть жизни. Во-вторых, к этому можно отнестись с подозрением.

Между этими двумя фактами видно некоторое напряжение. Чем больше мы подчеркиваем значимость моральных практик, тем менее основательной кажется их критика. В пределе этот подход становится *моральным догматизмом*, который принимает сложившуюся практику возложения ответственности как данность, которая не поддается дальнейшему анализу. Но этот подход совместим с практикой имманентной критики этих порядков; мы можем требовать, чтобы действия, которые ранее считались допустимыми, теперь осуждались без того, чтобы считать сомнительной практику возложения ответственности саму по себе. Чем больше значения мы придаем сомнениям, тем больше начинаем видеть проблематичность практик возложения ответственности. Это сомнение может привести нас к мысли, что обычные условия обоснования возложения ответственности никогда *на самом деле* не могут быть выполнены. Это СМО.

Критический подход может не ограничиваться этим тезисом. Можно пойти дальше и за видимостью практик ответственности открыть практики или сущности иного рода. Это может быть нечто психологическое (переживания удовольствия или боли), нечто экономическое (необходимость управлять людьми) или метафизическое (воля к власти). Мы можем увидеть искусственность

¹ См., например: Мерцалов А.В. Агентность, тождество личности и моральная ответственность // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2022. № 5. Р. 72–90.

² См., например: Миронов Д.Г. К вопросу об интерпретации принципа «долженствование предполагает возможность» // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2022. № 3. С. 87–99.

³ Caruso G. Skepticism About Moral Responsibility // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2021 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/skepticism-moral-responsibility/> (дата обращения: 01.08.22).

практик возложения ответственности, подозревать за ним расизм, сексизм и колониализм. Такая позиция будет утверждать, что условия возложения ответственности не могут быть выполнены не в силу несовершенства самого понятия ответственности, а в силу того, что это понятие было создано не для этого. Можно подозревать, что они были созданы для чьей-то личной выгоды или ради управления людьми. Эта позиция включает скептический момент (серьезно относиться к возможности того, что люди никогда не несут моральной ответственности) и результат применения логики подозрения (утверждение о том, что скрывается за практиками ответственности *на самом деле*). Здесь возложение ответственности предстает как иллюзия, поэтому такая форма критического подхода может быть названа *иллюзионизмом*.

Эта позиция не предельна для критического подхода. Если мы знаем, что существующая система ответственности бессмысленна, если обнаруживаем реальность, которая за ней скрывается, то мы можем *призвать* изменить эту реальность. Этот призыв может выражаться имморалистски, но императивность придает ему некоторые моральные черты. Так, пределом развития критического взгляда может стать проект новых моральных практик. Подобный подход заслуживает называться *революционным*.

Эти три результата критического подхода требуют разного обоснования. Проще всего должно быть обосновывать СМО. Отличие СМО от более радикальных форм критицизма только в том, *сколько* тезисов нужно обосновывать. Скептику достаточно обосновать один только тезис о необоснованности возложения моральной ответственности. Иллюзионист и революционер должны сделать больше. При этом иллюзионизм и революционизм просто не будут иметь смысла, если мы не уверены в истинности скептицизма.

Скептицизмы и структура ответственности

Все, что выше было сказано о вариантах критического подхода к ответственности, может быть сказано и об ОМС. ОМС – это позиция, согласно которой стоит серьезно отнестись к возможности того, что никакой особой моральной нормативности не существует. Каковы отношения между ОМС и СМО? ОМС влечет СМО. Обратное неверно. Уже из этого видно, что есть основания, которые могут поддерживать СМО и быть нерелевантными в отношении ОМС. Современные сторонники СМО обычно утверждают, что их позиция не влечет отмену морали⁴. Думаю, они правы. Поэтому стоит определить специфику СМО. Сделать это можно, если рассмотреть структуру возложения ответственности.

Присмотримся к суждению «я считаю себя морально ответственным за то, что я сделал вчера». Какие структурные составляющие этого суждения можно выделить? Очевидно, что «я ответственен за то-то и то-то» отличается, например, от «Владимир Сергеевич Соловьев ответственен за то, что он сделал 24 ноября 1874 года» (защитил диссертацию). В одном случае речь идет про *меня*, в другом случае – про *Соловьева*. Таким образом, важным составным элементом возложения ответственности является тот, на кого

⁴ *Pereboom D. Living without Free Will. Cambridge, 2001; Idem. Free Will, Agency, and Meaning in Life. N.Y., 2014; Caruso G. Rejecting Retributivism: Free Will, Punishment, and Criminal Justice. N.Y., 2021.*

ответственность возлагается. Будем называть этот элемент «*моральным агентом*».

Также утверждается, что я отвечаю за *то, что я сделал вчера*, а Соловьев несет ответственность за *то, что он сделал 24 ноября 1874 г.* Ясно, что это разные события. *То, за что* на агента уместно возлагать ответственность, можно называть «*моральным фактором*». Этот термин необходим для того, чтобы обобщить разные «*вещи*», за которые можно возлагать ответственность: действия, убеждения, черты характера, качества воли и т.п.

Говоря, что кто-то несет *моральную* ответственность, мы обычно подразумеваем, что у рассматриваемого фактора есть некоторое *моральное* качество: он морально хорош или морально плох. «*Быть хорошим*» и «*быть плохим*» – это возможные *моральные значения* моральных факторов, то, что делает факторы собственно моральными.

Если известно, что некоторому агенту присущ некоторый фактор, имеющий такое-то моральное значение, то вместе с тем может быть известно, что этот агент подлежит *моральной оценке* такого-то рода (осуждению, похвале и т.п.). Например, известно, что Соловьев 24 ноября 1874 г. блестяще защитил смелую диссертацию (и это хорошо), и из этого понятно, что им стоит восхищаться за этот поступок, стоит ставить его в пример и т.п. Это восхищение и является моральной оценкой, уместной в данном случае.

Мы получили четыре элемента возложения ответственности: моральный агент, моральный фактор, моральное значение и моральная оценка⁵. Таким образом, СМО – это скептицизм в отношении этих элементов и их констелляций. Дальнейшее уточнение СМО состоит в проверке каждого элемента возложения ответственности.

Можно ли сомневаться в существовании моральных агентов? Бывает, что мы не признаем чью-то моральную агентность. Например, мы не считаем, что младенцы имеют полноценную моральную агентность. Можно ли обобщить такие случаи? Сам по себе такой СМО не кажется перспективным. Моральная агентность, иными словами, с содержательной точки зрения представляет собой способность понимать, что ты делаешь, распознавать моральную сторону действительности и быть отзывчивым к моральным основаниям. Скептик должен будет показать, что люди никогда не знают, что делают, и никогда не понимают моральной стороны действительности. В этот тезис крайне сложно поверить.

Можно ли сомневаться в существовании моральных факторов? Это означало бы сомневаться в существовании событий и состояний, которые имеют моральное значение. Сомневаться в существовании событий и состояний не слишком разумно, если не придавать этим терминам какого-то специфического смысла. Но можно сомневаться в том, что нечто имеет *моральное* значение. Скептик может просто не видеть никаких *реальных моральных* оснований: сколько он ни слушает догматику, он не понимает, о чем тот говорит. Но это не СМО, это ОМС.

Можно ли сомневаться в существовании моральных оценок? Очевидно, что существуют некоторые оценки, которые рассматриваются как мораль-

---

⁵ Подробнее см.: Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Прологомены к моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 86–91; Они же. Этика и метафизика моральной ответственности // Этическая мысль / Ethical Thought. 2021. Т. 21. № 2. С. 11–12.

ные. Можно оспаривать их моральный статус на основании ОМС. Но это не СМО.

Итак, если скептицизм направлен на отдельные элементы возложения моральной ответственности, мы получаем либо нечто неубедительное само по себе, либо ОМС.

Три вида СМО

Сомнение может быть направлено не только на элементы возложения ответственности, но и на отношения между этими элементами. Рассмотрим отношения между агентом и фактором, между фактором и значением, между агентом, которому присущ значимый фактор, и оценкой.

Можно ли сомневаться в том, что агент обладает тем фактором, которым, как заявляется, он обладает? Предполагаемую связь между агентом и фактором можно выразить словами: «это был мой/его/ее поступок». Как можно проанализировать это суждение? Если это был мой поступок, то обычно это означает, что я действовал намеренно и в достаточной мере понимал происходящее. Обратная ситуация описывалась бы так: «этот поступок не мой, но я совершил его и понимал, что делал». Кажется, это абсурд. Поэтому между «это был мой поступок» и «я совершил этот поступок, и понимал, что делал» есть некоторая аналитическая связь⁶. Отсюда мы получаем два условия ответственности: условие контроля и эпистемическое условие.

Условие контроля. Возложение моральной ответственности уместно только в том случае, если агент в релевантный момент контролировал то, за что на него возлагается моральная ответственность.

Эпистемическое условие. Возложение моральной ответственности уместно только в том случае, если агент находился в такой эпистемической позиции, из которой ему в достаточной степени было доступно релевантное знание о том, за что на него возлагается моральная ответственность.

Скептицизм в отношении этих условий означает постановку под вопрос того, что хоть кто-то контролирует свое поведение в нужном смысле, или хоть кто-то находится в нужной эпистемической позиции в отношении предположительно своих факторов. Уже в силу размытости понятий «контроль» и «знание» эти два скептических пути априори кажутся перспективными. Первый путь можно назвать *метафизическим СМО (МСМО)*. Второй путь можно называть *эпистемическим СМО (ЭСМО)*.

МСМО и ЭСМО могут привести также и к скептицизму в отношении моральной агентности. Однако скептики вовсе не обязаны так думать. В действительности, отрицая указанные условия, они пытаются сохранить элементы моральной агентности через понятие моральной компетенции⁷. Думаю, в целом их попытки довольно убедительны. Рассмотрим довод в пользу МСМО, а затем в пользу ЭСМО.

⁶ См.: Логинов Е.В. Является ли тождество личности условием моральной ответственности? // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2020. Т. 13. № 2. С. 179–180.

⁷ Waller B. *Against Moral Responsibility*. Cambridge (MA), 2011. P. 205–220; Dennett D.C., Caruso G.D. *Just Deserts: Debating Free Will*. Cambridge, 2021. P. 208.

Метафизический скептицизм

Ослабить контроль агента над фактором можно разными путями. Пожалуй, наиболее распространенный способ – это аргументы манипуляции. Однако они неизбежно предполагают обсуждение детерминизма, свободы, рациональности. Я не имею возможности касаться этих тем. Поэтому я представлю способ, который никак не зависит от истинности детерминизма. Это т.н. базовый аргумент Галена Стросона:

- (1) Ничто не может быть *causa sui*.
- (2) Чтобы быть истинно морально ответственным за свои действия, нужно быть *causa sui*.
- (3) Следовательно, никто не может быть истинно морально ответственным⁸.

В силу этого, считает Стросон, наказывать или награждать людей за их поступки столь же справедливо, сколь и наказывать и награждать их за форму лица⁹.

Этот аргумент логически корректен. Истинен ли тезис (1)? В пользу него говорит рассуждение от бесконечного регресса: наши разумные поступки своими причинами имеют наши ментальные состояния, например, убеждения; эти убеждения выбраны на основании какого-то принципа, который сам выбран на основании какого-то принципа и т.д.; самопричинение невозможно, ведь оно требует завершенности бесконечных серий выборов принципов выбора; а бесконечная серия не может иметь начало и конец¹⁰. Этот довод можно оспаривать, но это уведет нас глубоко на территорию метафизики. Сам Стросон действительно пытается согласовать (1) со своей теорией причинности¹¹.

Оставаясь в области этики, мы можем поставить под вопрос посылку (2). На чем основано утверждение о зависимости ответственности от самопричинения? Сам Стросон считает, что (2) подтверждается тем, что самопричинение является условием *истинной* ответственности: если она у нас есть, то *имеет смысл* предположить, что было бы справедливо наказать одних из нас муками в аду и наградить других блаженством на небесах¹². Стросон пытается обосновать важность истинной ответственности той ролью, которую она, с его точки зрения, принимает в истории мысли, но почти никак не обосновывает связь между самопричинением и адом/раем.

Однако когда мы говорим, что восхищаемся защитой Соловьева, мы *можем не иметь в виду*, что он заслуживает за это рай, даже если мы верим в рай. Этого достаточно для того, чтобы не считать истинность (2) установленной. Этого, однако, недостаточно, чтобы считать установленной ее ложность. Стросон может настаивать на центральности (2) для дискуссий об ответственности.

Размышляя над этим доводом Стросона, мы можем научиться следующему: не стоит вводить в нашу теорию ответственности слишком сильных

⁸ Strawson G. The Impossibility of Moral Responsibility // *Philosophical Studies*. 1994. Vol. 75. No. 1/2. P. 5–24; Dennett D., Caruso G. Just Deserts. P. 92–96; Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Пролегомены к моральной ответственности. С. 81–82.

⁹ Strawson G. The Impossibility of Moral Responsibility. P. 16.

¹⁰ Ibid. P. 6–7, 22.

¹¹ Благодарю проф. Стросона за обсуждение этого вопроса.

¹² Ibid. P. 9.

метафизических допущений, аналогичных допущению самопричинения, без достаточных оснований¹³. Это чревато утратой возможности адекватно применять моральные практики.

Эпистемический скептицизм

ЭСМО можно обосновывать с помощью довода, который относится к аргументам регресса¹⁴. Чтобы действие, совершенное из незнания, было предосудительным, само незнание должно быть предосудительным. Однако то, что человек сделал себя незнающим предосудительным образом, само могло быть результатом незнания. Само это второе незнание тоже могло быть результатом действия из незнания и т.д. Даже если это незнание стало результатом лени, может быть так, что агент не знал, что в данном случае лень нужно преодолеть¹⁵. Это ключевой момент этого рассуждения: даже то, что кажется обычным действием, можно рассматривать как действие из незнания.

Допустим, агент совершает неправильный поступок Д1 в силу того, что он согласен с аморальным суждением А. Агент мог совершить поступок, исходящий из А, в силу того, что до того он совершил поступок Д2, согласился с А. Скептик скажет, что агент несет ответственность за Д1 только в том случае, если агент совершил Д2, будучи в достаточной мере знающим А, его следствия и эффекты его принятия. Если агент совершил Д2 при таких условиях, то Д2 будет примером акратического действия: агент принял аморальное убеждение, зная, что оно аморальное и будет иметь дурные следствия и неправильные эффекты. Скептик обязан признать, что акратическое действие остановит тут регресс и сделает агента ответственным за все, что стало прямыми последствиями Д2, т.е. за Д1. Но проблема с акратическими действиями, как это видит скептик, состоит в том, что такие действия чрезвычайно сложно отличить от простой слабости воли, при которой человек в последний момент находит себе оправдание¹⁶. Если Д2 на самом деле не является акратическим действием, а является примером простой слабости воли, то скептик опять может сказать, что агент должен был знать, что в этом случае нельзя было проявлять слабость воли и искать оправдание, и задаться вопросом о том, в силу какого действия Д3 агент не приобрел этого знания. Опять возникает регресс. Таким образом, заключает скептик, ответственность является эффектом лишь акратического действия, а такое действие крайне трудно идентифицировать, т.к. оно плохо отличимо от действия, совершенного из-за слабости воли. Поэтому мы никогда не можем быть уверены, что кто-то несет моральную ответственность.

Этот довод отражает *моральную тревогу*¹⁷: каждый обычный взрослый человек морально обязан каждый момент знать огромное количество вещей, которые полагается знать ему или ей как взрослому, как профессионалу, как

¹³ Скэнлон Т. Основания для поступков никогда не зависят от наших желаний // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 250.

¹⁴ Zimmerman M.J. Moral responsibility and Ignorance // Ethics. 1997. Vol. 107. No. 3. P. 410–426.

¹⁵ Rosen G. Culpability and Ignorance // Proceedings of the Aristotelian Society. 2003. Vol. 103. No. 1. P. 83.

¹⁶ Rosen G. Skepticism about Moral Responsibility // Philosophical Perspectives. 2004. Vol. 18. P. 309.

¹⁷ Этот термин мне предложил А. Кузнецов.

члену семьи, как другу, как члену таких-то сообществ и т.п. И соответствовать этому стандарту непросто. Когда этот факт сочетается с утверждением, что незнание снимает моральную ответственность, то это создает почву для скептицизма.

Однако мы можем иначе объяснять работу извиняющих обстоятельств на первом этапе этого рассуждения. Я рассуждал так, словно бы само невежество как таковое, как *эпистемический* факт, определяет *нормативный* факт снятия с агента ответственности. Однако это не обязательно описывать так. Говоря, что человек не несет ответственности за то, что он сделал из невежества, мы обычно имеем в виду, что в этом его деянии не проявляется никакой злой воли.

Допустим, моральный агент Соловьев, хотя и блестяще защитил смелую диссертацию, в ходе защиты очень непочтительно обращался с недипломированными диспутантами. Это, разумеется, нечто плохое. Допустим, резкое поведение Соловьева в отношении оппонентов объясняется тем, что он ошибочно полагал, что именно такого поведения от него требует этикет. Если это убеждение было *единственным* основанием, почему он так себя вел, если в этом поведении поэтому не выражалось его высокомерие, то ответственность вполне можно снять. Но если в таком поведении было нечто высокомерное, то ответственность можно возложить.

Разумеется, тут многое зависит от деталей. Ответственность можно уверенно возложить в следующем случае: (1) непочтительное поведение Соловьева стало результатом некоторого его убеждения; (2) это убеждение состояло в том, что непочтительное поведение в данном случае требуется этикетом; (3) сам тот факт, что он приобрел это убеждение, является эффектом проявления злой воли – например, лени или безразличия; (4) никакие другие обстоятельства не имеют отношения к делу. Таким образом, ключевым тут является не *эпистемический* факт, а *нормативный*¹⁸. Этот факт выражается в положении (3). Нормативность входит в рассмотрение возложения ответственности, когда фактор анализируют как *моральный* фактор (в данном случае, когда мы говорим про *злую волю*). Это происходит, когда мы рассматриваем моральное значение фактора.

Нормативное условие

Можно ли сомневаться в связи между моральным фактором и моральным значением? Связь между моральным фактором и моральным значением является аналитической в силу того, что фактор делает моральным его значение. Возьмем для примера предательство. Если нечто является предательством, то в этом нечто априори есть что-то плохое. Можно спорить с тем, что приведенное нечто является именно предательством. Но сказать, что это было именно предательство, и это хорошо – значит просто не понимать, что такое предательство. Те, кто знают, что такое предательство, знают, что это плохо. А сказать «ты совершил нечто плохое, но это хорошо» – значит сказать нечто абсурдное.

¹⁸ Ср.: Беседин А.П. «Клещи удачи» Нила Леви против компатибилистских теорий моральной ответственности // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 3. С. 26–37.

Можно предположить, что тут все дело в удобно выбранном примере: предательство действительно может быть исключением. Однако кажется, что это не так. Такой же анализ можно провести в отношении, например, посягательства на *личную* собственность. Впрочем, уже рассмотрение вопроса о *частной* собственности будет зависеть от ваших политических взглядов. Словом, ясно, что это тонкий момент, и можно указать случаи, где наши интуиции ведут себя иначе. Рассмотрим случай убийства из самозащиты. Часто в этом случае можно сказать: «плохо, что человек погиб». И это будет указание на моральное значение этого фактора. Однако существуют обстоятельства, в которых нельзя будет сказать тому, кто сознательно прервал жизнь другого человека: «ты поступил плохо», «ты совершил нечто дурное». Важно, что тут рассматриваются именно такого типа фразы, которые указывают на значение фактора, а не фразы типа «твои поступки достойны осуждения» и т.п., которыми мы можем давать оценку. Тут мы не имеем дело с абсурдом типа «то, что ты сделал, было плохо, но ты не совершал ничего дурного». Аналогичный результат можно получить, рассматривая феномен лжи. Так, кажется, что бывают обстоятельства, при которых правильно сказать: «я солгал, но не сделал ничего плохого». Это, например, т.н. ложь во благо¹⁹.

Другой пример. Рассмотрим богатого человека, который привык тратить много денег на роскошь. Кто-то может сомневаться в связи такой черты характера с ее моральной оценкой. Такая привычка может быть чем-то плохим. Она может не нравиться кому-то лично, но он готов допустить, чтобы другой человек имел такую привычку. Кажется, что тут может быть неизвестна связь фактора и значения. Однако тут речь лишь о том, что неясно, относится ли этот фактор к морали в принципе (на что указывает вторая возможность). Если бы кто-то был уверен, что это морально значимый фактор, то сложно сомневаться в том, что он оценил бы его отрицательно²⁰.

Рассмотренное показывает, что бывают случаи, когда обычно однозначные моральные факторы (убийство, ложь и расточительность) разумно связать не с той моральной оценкой, с которой они обычно связаны. Однако представляется, что такие случаи не могут составить основание для СМО, так как выводы в их отношении нельзя распространить на все факторы. Даже если мы считаем, что убийство при самозащите и ложь во благо не являются сами по себе чем-то плохим, это не может дать нам основания для того, чтобы считать, что любые убийства и любая ложь не есть что-то плохое. При этом мы не можем считать эти факты морально не релевантными, у них явно есть какое-то моральное значение. Может быть, в некоторых обстоятельствах лучше всего будет описать это значение как «нейтральное», строго отличая это от случаев, когда морального значения нет вовсе (например, что кто-то предпочитает читать книги про Древний Египет и не интересуется эпохой Возрождения).

Однако в целом связь морального фактора и его морального значения выглядит надежной. Ее сложно *разорвать*, однако можно *упразднить*

¹⁹ Подробное рассмотрение этого вопроса см.: О праве лгать. М., 2011.

²⁰ За этот пример я благодарю А. Юнусова. Отдельную трудность составляют дилеммы. Допустим, что я должен выбрать: либо предательство, либо что-то еще более плохое. Тут все зависит от деталей. Но думаю, что можно настаивать, что в таких случаях либо речь не про предательство, либо про предательство, и тогда это нечто плохое. Во всяком случае, дилеммы не могут быть основанием для тотального скептицизма в отношении связи фактора и значения.

с помощью ОМС. Иными словами, сложно отделить моральный фактор от морального значения, но можно упразднить сам моральный статус факторов за счет ОМС. Однако ОМС я уже вынес за скобки. Иных способов атаковать эту связь я не вижу. Надежная связь между присущим агенту моральным фактором и моральным значением этого фактора дает нам и надежное условие возложения моральной ответственности: нормативное.

*Нормативное*²¹ условие. Возложение моральной ответственности уместно только в том случае, если оцениваемое качество воли агента имеет соответствующее выносимой оценке моральное значение («хорошо», «плохо» и т.п.).

Нормативное условие требует, чтобы (1) был моральный агент; (2) у этого агента была воля некоторого морального качества; (3) это качество имело некоторое моральное значение; (4) это значение соответствовало выносимой оценке. Таким образом, это условие касается связи агента и фактора в пунктах (1) и (2). Важно, чтобы фактор *выражал* качество воли агента, а не был просто каузально с ним связан. Выше я свел эпистемическое условие к нормативным значениям (непочтительность Соловьева является предосудительной, если выражает качество воли, и не является, если она была просто эффектом незнания), как раз имея в виду это обстоятельство. В отсутствие достаточного контроля (как, например, в случае с некоторыми нашими убеждениями) выполнение нормативного условия может указывать на наличие связи между агентом и фактором. Так, можно сказать, что некоторые убеждения *мои*, потому что они *выражают* определенное качество *моей* воли, даже если их сформировали у меня в раннем детстве в обстоятельствах, которые я не мог контролировать. Это так, потому что никакого иного *меня* просто нет²².

Однако главной, как видно из формулировки условия, является именно связь присущего агенту фактора и его морального значения, такого, который соответствует выносимой оценке. На нее указывает пункт (3). В силу надежности связи между фактором и значением на эту часть нормативного условия СМО не распространяется; (3) может угрожать только ОМС. Именно поэтому скептики могут говорить, что приписываемость и подотчетность совместимы с их позицией²³. Именно эти формы ответственности основаны главным образом на нормативном условии.

Обратите внимание, что нормативное условие имеет иной статус по отношению к условию контроля и эпистемическому условию. Можно оспаривать, что у нас есть нужные для ответственности типы контроля и знания, но обычно нельзя оспаривать, что у агентов есть воля, которая в конкретный момент имеет конкретное морально значимое качество (которое, впрочем, может быть нам эмпирически трудно доступно). Это просто моральный факт, если вообще существуют моральные факты. Эта часть нормативного условия находится вне сферы СМО.

²¹ Ранее мы с коллегами называли это условие «психологическим», однако термин «нормативное» теперь мне представляется более удачным; см.: Логинов Е.В., Гаверилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Пролегомены к моральной ответственности. С. 47; Они же. Этика и метафизика моральной ответственности. С. 10.

²² Scanlon T. Forms and Conditions of Responsibility // The Nature of Moral Responsibility: New Essays. N.Y., 2015. P. 97.

²³ Pereboom D. Optimistic Skepticism about Free Will // The Philosophy of Free Will: Selected Contemporary Readings. N.Y., 2013. P. 421; Dennett D.C., Caruso G.D. Just Deserts. P. 36, 124.

Однако мы можем сомневаться в том, что моральному фактору, который присущ моральному значению, действительно соответствует некоторая моральная оценка. Иными словами, можно поставить под сомнение отношение между моральным агентом, которому присущ морально значимый фактор, и моральной оценкой этого агента за этот фактор. Скептики обычно допускают вынесение аксиологических суждений типа «ты поступил плохо», но отрицают, что мы можем обоснованно оценивать людей как «просто заслуживающих осуждения или похвалы»²⁴. Чтобы скептицизм тут в принципе имел бы смысл, нужно считать возможным отделение агента и оценки. Рассмотрим это.

Вернемся к воображаемому примеру с Соловьевым, который, хотя и блестяще защитил смелую диссертацию, но, например, в ходе защиты грубо обращался с оппонентами. Это, разумеется, нечто плохое. Достоин ли Соловьев осуждения за это? Можно ли вынести такую моральную оценку? Человек, который ответил бы «да», полагаю, опирался бы на принцип «плохие поступки заслуживают осуждения». Однако его можно спросить: *по какому праву* вы полагаетесь на этот принцип? Чем является *наша собственная позиция*, что позволяет нам осуждать поведение Соловьева? Не обязательно тут предполагать логику подозрения, которая заставляла бы искать тайные мотивы обвинителя. Возможно, никаких тайных мотивов нет; человек может искренне осуждать невежливое общение с оппонентами и не знать, на чем основано его право осуждать.

Полезно различать, заслужено ли осуждение, и само осуждение²⁵. Вопрос «по какому праву...?» может выражать сомнение в том, достаточно ли наша собственная позиция хороша для осуждения²⁶. Я могу признавать, что человек заслуживает осуждения, но не осуждать его, так как сам делаю то же самое. Я также могу, зная, что человек намеренно сделал нечто плохое, считать, что мне *неизвестно*, заслуживает ли он осуждения. Например, в том случае, если я не уверен, что *этот тип* плохих поступков всегда в обычных обстоятельствах влечет заслуженное осуждение. Вопрос «по какому праву...?» задают, когда знают, что моральный агент обладает морально значимым фактором, но не знают, какова оценка этого фактора, заслуживает ли человек осуждения или похвалы. Это открытый вопрос. Я также могу интересоваться, нет ли в данном случае обстоятельств, которые сделали бы поступок не заслуживающим осуждения или похвалы.

Такого рода сомнение обычно не возникает в отношении связи фактора и значения. Вы можете не знать, что какое-то действие действительно является предательством. Вы можете не знать, что какие-то действия плохи. Но если вы уже знаете, что это не просто действие, а морально значимое действие, вы знаете, что это, например, именно предательство, то в обычных обстоятельствах вы не можете не знать, что это плохое действие. Тут вопрос «действительно ли предательство плохо?» не открытый вопрос, ответ на его в обычных ситуациях очевиден: да, это плохо. В некоторых случаях, возможно,

²⁴ Pereboom D. Free Will, Agency, and Meaning in Life. P. 127–152; Dennett D.C., Caruso G.D. Just Deserts. P. 129.

²⁵ См.: Scanlon T. Moral Dimensions: Permissibility, Meaning, Blame. Cambridge (MA), 2010. P. 145.

²⁶ Логинов Е.В. Является ли тождество личности условием моральной ответственности? С. 179.

вы можете сказать, что это нейтральное действие. Но обычно, если что-то есть предательство, то это плохо, но не обязательно, что нужно за него осуждать.

Даже если я не сомневаюсь в том, что обсуждаемый поступок был предательством, я могу быть не уверен, что я в праве осуждать именно за *это* предательство. Например, если я сам подговорил агента предать. Или если я предал вместе с ним. Или если я считаю, что осуждение в данном случае принесет больше зла, чем само предательство. Или если я имею разумные основания сохранять свои психические силы и не тратить в данном случае их на оценку предателя. Во всех этих случаях я могу высказать суждение о значении («предательство – это плохо»), но воздержаться от осуждения.

Даже если нет сомнений в том, что обсуждаемый поступок был предательством, можно сомневаться в том, что агент *заслуживает* осуждения. Рассмотрим такой случай. А1 – друг А2. Известно, что А1 – человек дурных моральных качеств. Однако А2 доверяет А1, потому что видит в А1 скрытое добро. А2 не ошибается в своем видении А1. Однако в силу своих дурных качеств А1 предает доверие А2. Он делает это намерено, понимая происходящее, в этом действии выражается его злая воля. Целью А1 являются предосудительные эгоистические цели. Ущерб, который А1 намеревался принести А2 своим предательством, ощутимый, но несущественный. Однако А1 не предвидел, что одним из эффектов его предательства является спасение пяти миллионов человек, в том числе и А2, а другим – его собственная мучительная гибель. Представляется, что может быть разумно утверждать, что в данном случае может быть допустимо высказать суждение о том, что А1 поступил плохо (так как в этом поступке проявилась его злая воля), но воздержаться и от суждения о заслуженности осуждения, и от самого осуждения. Основанием воздержания тут является то, что мы принимаем во внимание несущественность намеренного ущерба и существенность принесенной пользы. Объективисты в отношении оснований могут счесть, что А1 имел объективные моральные основания предать А2, которые были ему неизвестны.

Связь между плохим поступком морального агента и осуждением этого поступка может казаться аналитической, однако это представление ошибочно. Суждение «он совершил плохой поступок, но я его за это не осуждаю» может казаться странным, но оно не является таким же абсурдом, как суждение «он совершил плохой поступок, но это не плохо». Могут быть основания, по которым человек считает, что неуместно осуждать какой-то плохой поступок или восхищаться хорошим. Поэтому связь между агентом и оценкой, похоже, всегда является синтетической.

Таким образом, связь между агентом и оценкой не является очень надежной. Это видно благодаря осмысленности вопроса «по какому праву вы судите?». Априори нельзя утверждать, что на этот вопрос нельзя дать ответа. Однако сама его оправданность открывает путь *нормативному скептицизму* в отношении моральной ответственности. Один из аргументов в пользу такого подхода можно найти опять же у Розена²⁷.

²⁷ Rosen G. The Alethic Conception of Moral Responsibility // The Nature of Moral Responsibility: New Essays. N.Y., 2015. P. 65–87. См. также: Waller B. Against Moral Responsibility. P. 23–35. Pereboom D. Wrongdoing and the Moral Emotions. N.Y., 2021. P. 27–53.

Нормативный скептицизм

Розен считает, что отношение уместности относится к обиде так же, как истина к убеждению. Это позволяет ему сформулировать алетический взгляд на уместность. Как и все эмоции, обида содержит в себе мысли. И тогда «уместно обижаться на X за A» означает, что мысли в этой обиде истинны. Каковы мысли, которые содержатся в обиде? Розен выделяет четыре такие мысли.

- 1) X сделал A.
- 2) X поступил дурно, когда сделал A.
- 3) Совершая A, X показал предосудительное качество воли.
- 4) X заслуживает страдать за то, что он сделал.

Розен считает сомнительным, что мы можем обосновать (4), т.н. мысль о возмездии, даже в случае, когда речь идет про взрослого и здорового человека, обладающего способностью понимать добро и зло²⁸. И если даже в таком случае мы не можем обосновать мысль о возмездии, то агент в целом никогда не может быть достойным осуждения. Это скептический тезис²⁹.

Я буду оспаривать: что (а) «обида и негодование являются формами гнева. И в этом качестве они включают в себя желание, чтобы объект гнева страдал»³⁰; (б) мысль о том, что агент *заслуживает* страдать за то, что он сделал, действительно содержится в обиде.

Против (а) можно привести примеры гнева, которые не содержат желания, чтобы объект гнева страдал. Во-первых, это себялюбивый гнев, который ощущается как очерчивание границ своего морального Я, сигнал окружающим, что какие-то ценности или чувства были задеты. Во-вторых, это абстрактный гнев, который возникает в ответ на системную несправедливость. В-третьих, это раздражительный гнев, который можно сменить на милость, реакция на назойливость. Этот список можно продолжить. Все эти виды гнева можно испытывать при уместном осуждении. Безусловно, что во всех этих случаях желание нанести вред *может* присутствовать. Но его действительно *может не быть*. Можно обидеться на друга, который случайно задел твои чувства неудачным выражением. Но совершенно нелепо считать, что в таких случаях *всегда* идет речь о желании причинить обидчику страдание.

Против (б) можно привести как раз те случаи, когда гнев все же содержит желание причинить объекту гнева страдание. Я не уверен, что в таких случаях всегда имеется в виду, что объект гнева «*заслуживает* страдания». Возможны случаи, когда желают, чтобы объекту гнева стало плохо, не имея в виду, что «он *заслуживает* боли за то, что он сделал». Но даже в случае, когда гнев включает в себя именно мысль о заслуженности страдания, я не уверен, что эта мысль всегда выполняет *обосновывающие* функции. Гнев

²⁸ Rosen G. The Alethic Conception of Moral Responsibility. P. 85–86.

²⁹ Сам Розен, правда, не делает такого утверждения. Он считает, что его анализ *может* вести к скептицизму, но это не обязательно. Из его подхода следует, что X достоин осуждения за A только в том случае (и частично потому, что) X достоин наказания за A. В этом нет ничего скептического. Но если добавить, что у нас есть основания для скептицизма в отношении того, заслуживают ли люди наказания, то из этого будет следовать, что мы должны быть скептически в отношении того, заслуживают ли люди осуждения (из личной переписки).

³⁰ Ibid. P. 67.

вполне может обосновываться первыми тремя мыслями Розена, а ретрибутивная мысль быть эпифеноменальной с точки зрения *обоснования*, добавляя лишь *мотивационной* силы.

Таким образом, довод Розена не показывает правдоподобности нормативного СМО. Он не учитывает случаи, когда осуждающий гнев не содержит мысли о причинении страданий, когда осуждающий гнев содержит мысли о возмездии, но не о заслуженности страданий, и когда осуждающий гнев содержит мысль о заслуженности страданий, но этот элемент мысли ничего не обосновывает.

Безусловно, возможны ситуации, в которых гнев *обоснован* именно мыслью о *заслуженности* страданий. Мы должны признать, что Розен прав: в таких случаях сама по себе ретрибутивная мысль не является тем, на что мы можем положиться. Однако она может быть следствием моральной теории, которая требует причинить боль в данном случае ради восстановления справедливости (с чем Розен, насколько я могу судить, согласен). Главным уроком, который мы можем извлечь из этого рассуждения, является уточнение понятия возложения ответственности: мы не должны требовать, чтобы, возлагая ответственность, мы имели в виду *всегда* необходимость заслуженного страдания, даже если это обосновано в отдельных случаях³¹.

Приведенные доводы не показывают, что нормативный скептицизм в принципе не может быть убедительным. Открытым остается вопрос о том, как ответственность связана с заслугой, возмездием или, в других версиях этих рассуждений, со справедливостью. Приведенные тут доводы показывают лишь, что эти связи не являются априорными и очевидными.

Заключение

Подведем итоги. На уровне анализа отдельных доводов в пользу СМО я получил следующие результаты. Анализ базового аргумента Стросона показывает, что понятие ответственности не стоит нагружать тяжелыми метафизическими ограничениями. Анализ эпистемического регресса показывает, что эпистемическое условие можно свести к нормативному условию. Анализ мысли о возмездии Розена показывает, что не стоит априори вводить в понятие уместности возложения ответственности представление о возмездии.

На уровне структуры скептицизма я получил следующие результаты. Скептицизм в отношении моральной ответственности, в отличие от общего морального скептицизма, может быть направлен либо на связь агента и фактора, либо на связь агента с оценкой. Однако связь фактора и значения выглядит надежной. Та часть нормативного условия, которая касается отношения фактора к значению, не может быть объектом скептицизма в отношении моральной ответственности. Однако связь агента и оценки может быть объектом скептицизма. Наименее перспективным выглядит эпистемический скептицизм. Наиболее перспективно выглядит критика условия контроля, которое связывает агента и фактор (метафизический скептицизм), и моральная критика возложения ответственности в целом (нормативный скептицизм). Чтобы миновать их, нужно понятие ответственности, более слабое, чем понятие

³¹ Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Прологомены к моральной ответственности. С. 37–42.

Галена Стросона, и менее агрессивное, чем понятие Розена. Остается открытым вопрос, адекватно ли такое понятие описывает феномен ответственности.

На уровне общей структуры возложения ответственности я получил следующие результаты. Связь агента и фактора определяется условием контроля. Связь фактора и значения определяется частью нормативного условия. Эта связь носит сильный, возможно, в некоторых случаях даже аналитический характер. Другая часть нормативного условия является более слабой: это связь между агентом, обладающим морально значимым фактором, и оценкой. Определяющие ее условия требуют дальнейшего исследования. Также дальнейшего исследования требует соотношение условия контроля и нормативного условия.

Список литературы

- Беседин А.П.* «Клещи удачи» Нила Леви против компатибилистских теорий моральной ответственности // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 3. С. 26–37.
- Логинов Е.В.* Является ли тождество личности условием моральной ответственности? // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 2. С. 173–184.
- Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т.* Прологомены к моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 3–100.
- Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т.* Этика и метафизика моральной ответственности // Этическая мысль / Ethical Thought. 2021. Т. 21. № 2. С. 5–17.
- Мерцалов А.В.* Агентность, тождество личности и моральная ответственность // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2022. № 5. С. 72–90.
- Мионов Д.Г.* К вопросу об интерпретации принципа «долженствование предполагает возможность» // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2022. № 3. С. 87–99.
- О праве лгать / Сост. и ред. Р.Г. Апресян*. М.: РОССПЭН, 2011. 392 с.
- Скэнлон Т.* Основания для поступков никогда не зависят от наших желаний / Пер. с англ. А.Т. Юнусова // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 241–255.
- Caruso G.* Rejecting Retributivism: Free Will, Punishment, and Criminal Justice. N.Y.: Cambridge University Press, 2021. 389 p.
- Caruso G.* Skepticism About Moral Responsibility // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2021 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/skepticism-moral-responsibility/> (дата обращения: 01.08.22).
- Dennett D.C., Caruso G.D.* Just Deserts: Debating Free Will. Cambridge: John Wiley & Sons, 2021. 291 p.
- Pereboom D.* Optimistic Skepticism about Free Will // The Philosophy of Free Will: Selected Contemporary Readings / Ed. by P. Russell, O. Deery. N.Y.: Oxford University Press, 2013. P. 421–449.
- Pereboom D.* Free Will, Agency, and Meaning in Life. N.Y.: Oxford University Press, 2014. 219 p.
- Pereboom D.* Living without Free Will. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 231 p.
- Pereboom D.* Wrongdoing and the Moral Emotions. N.Y.: Oxford University Press, 2021. 204 p.
- Rosen G.* Culpability and Ignorance // Proceedings of the Aristotelian Society. 2003. Vol. 103. No. 1. P. 61–84.
- Rosen G.* Skepticism about Moral Responsibility // Philosophical Perspectives. 2004. Vol. 18. P. 295–313.
- Rosen G.* The Alethic Conception of Moral Responsibility // The Nature of Moral Responsibility: New Essays / Ed. by R. Clarke, M. McKenna, A.M. Smith. N.Y.: Oxford University Press, 2015. P. 65–88.

* Включен в реестр иностранных агентов по решению Минюста России от 09.12.2022.

- Scanlon T. Forms and Conditions of Responsibility // *The Nature of Moral Responsibility: New Essays* / Ed. by R. Clarke, M. McKenna, A.M. Smith. N.Y.: Oxford University Press, 2015. P. 89–114.
- Scanlon T. *Moral Dimensions: Permissibility, Meaning, Blame*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2010. 247 p.
- Strawson G. The Impossibility of Moral Responsibility // *Philosophical Studies*. 1994. Vol. 75. No. 1/2. P. 5–24.
- Waller B. *Against Moral Responsibility*. Cambridge (MA): MIT Press, 2011. 352 p.
- Zimmerman M.J. Moral Responsibility and Ignorance // *Ethics*. 1997. Vol. 107. No. 3. P. 410–426.

Skepticism and moral responsibility*

Evgeny V. Loginov

Lomonosov Moscow State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: loginovlosmar@gmail.com

Skepticism about moral responsibility is one of the most elaborated approaches to this important moral phenomenon in contemporary philosophical literature. In this paper, I use the skeptical approach in general, and specific skeptical arguments in particular, to clarify the connections between the conditions of an appropriate attribution of moral responsibility and the structural elements of this attitude. A distinction is made between moral dogmatism and a critical approach to morality, and a classification is given of the possible outcomes of the latter: skepticism proper, illusionism, and revolutionary approach. The difference between general moral skepticism and skepticism about moral responsibility is defined, and a classification of the types of skepticism about moral responsibility is proposed on the basis of which the elements of the structure of attribution of responsibility are questioned. Galen Strawson's Basic argument, Gideon Rosen's argument from epistemological regress, and his alethic conception of moral responsibility are analyzed. It is shown that Strawson's argument unreasonably reduces moral responsibility to a so-called true moral responsibility. It is argued that the epistemic condition of responsibility to which the argument from regress is directed can be reduced to a normative condition, and thus regress can be avoided. The connection between responsibility and retribution, which Rosen postulates, is problematized. It is argued that the control condition binds the moral agent and the agent's moral factor; the normative condition binds the agent's moral factor and its moral value. It is argued that the connection between a moral factor and moral value cannot be the object of skepticism about moral responsibility.

Keywords: moral responsibility, skepticism, blame

For citation: Loginov, E.V. "Skeptitsizm i moral'naya otvetstvennost'" [Skepticism and moral responsibility], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 1, pp. 160–176. (In Russian)

References

- Apresjan, R.G. ** (ed.) *O prave l'gat'* [On The Right to Lie]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 392 pp. (In Russian)
- Besedin, A.P. "Kleshhi udachi' Nila Levi Protiv Kompatibilistskih Teorij Moral'noj Otvetstvennosti" [Neil Levy's "Luck Pincer" Against Compatibilism about Moral Responsibility], *Vestnik RGGU, Serija: Filosofija, Sociologija, Iskusstvovedenie*, 2021, No. 3, pp. 26–37. (In Russian)

* The research is supported by Russian Science Foundation, project No. 21-78-10044, "The phenomenon of moral responsibility", <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>

** Включен в реестр иностранных агентов по решению Минюста России от 09.12.2022.

- Caruso, G. "Skepticism About Moral Responsibility", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2021 Edition), ed. by E.N. Zalta [https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/skepticism-moral-responsibility/, accessed on 01.08.22].
- Caruso, G. *Rejecting Retributivism: Free Will, Punishment, and Criminal Justice*. New York: Cambridge University Press, 2021. 389 pp.
- Dennett, D.C. & Caruso, G.D. *Just Deserts: Debating Free Will*. Cambridge: John Wiley & Sons, 2021. 291 pp.
- Loginov, E.V. "Javljaetsja li Tozhdestvo Lichnosti Usloviem Moral'noj Otvetstvennosti?" [Is Personal Identity a Condition of Moral Responsibility?], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 2, pp. 173–184. (In Russian)
- Loginov, E.V., Gavrilov, M.V., Mertsalov, A.V. & Iunusov, A.T. "Prolegomeny k Moral'noj Otvetstvennosti" [Prolegomena to Moral Responsibility], *Date Palm Compote*, 2020, No. 15, pp. 3–100. (In Russian)
- Loginov, E.V., Gavrilov, M.V., Mertsalov, A.V. & Iunusov, A.T. "Jetika i Metafizika Moral'noj Otvetstvennosti" [Ethics and Metaphysics of Moral Responsibility], *Eticheskaya mysl' / Ethical Thought*, 2021, Vol. 21, No. 2, pp. 5–17. (In Russian)
- Mertsalov, A.V. "Agentnost', Tozhdestvo Lichnosti i Moral'naja Otvetstvennost'" [Agency, Personal Identity, and Moral Responsibility], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Serija 7: Filosofija*, 2022, No. 5, pp. 72–90. (In Russian)
- Mironov, D.G. "K Voprosu ob Interpretacii Principa 'Dolzhentstvosovanie Predpolagaet Vozmozhnost'" [On the Interpretation of the 'Ought Implies Can' Principle], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Serija 7: Filosofija*, 2022, No. 3, pp. 87–99. (In Russian)
- Pereboom, D. *Living without Free Will*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 231 pp.
- Pereboom, D. "Optimistic Skepticism about Free Will", *The Philosophy of Free Will: Selected Contemporary Readings*, ed. by P. Russell and O. Deery. New York: Oxford University Press, 2013, pp. 421–449.
- Pereboom, D. *Free Will, Agency, and Meaning in Life*. New York: Oxford University Press, 2014. 219 pp.
- Pereboom, D. *Wrongdoing and the Moral Emotions*. New York: Oxford University Press, 2021. 204 pp.
- Rosen, G. "Culpability and Ignorance", *Proceedings of the Aristotelian Society*, 2003, Vol. 103, No. 1, pp. 61–84.
- Rosen, G. "Skepticism about Moral Responsibility", *Philosophical Perspectives*, 2004, Vol. 18, pp. 295–313.
- Rosen, G. "The Alethic Conception of Moral Responsibility", *The Nature of Moral Responsibility: New Essays*, ed. by R. Clarke, M. McKenna, A.M. Smith. New York: Oxford University Press, 2015, pp. 65–88.
- Scanlon, T. *Moral Dimensions: Permissibility, Meaning, Blame*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. 247 pp.
- Scanlon, T. "Forms and Conditions of Responsibility", *The Nature of Moral Responsibility: New Essays*, ed. by R. Clarke, M. McKenna, A.M. Smith. New York: Oxford University Press, 2015, pp. 89–114.
- Scanlon, T. "Osnovaniya Dlja Postupkov Nikogda ne Zavisjat ot Nashih Zhelanii" [Reasons for Actions Never Depend on One's Desires], trans. by A.T. Iunusov, *Date Palm Compote*, 2020, No. 15, pp. 241–255. (In Russian)
- Strawson, G. "The Impossibility of Moral Responsibility", *Philosophical Studies*, 1994, Vol. 75, No. 1/2, pp. 5–24.
- Waller, B. *Against Moral Responsibility*. Cambridge, MA: MIT Press, 2011. 352 pp.
- Zimmerman, M.J. "Moral Responsibility and Ignorance", *Ethics*, 1997, Vol. 107, No. 3, pp. 410–426.